

Банды как вооруженные группы

Дженнифер М. Хейзен

Доктор Дженнифер М. Хейзен, стипендиат факультета общественно-политических отношений им. Линдона Джонсона Техасского университета (г. Остин). В сфере ее научных интересов, среди прочего, такие явления, как вооруженные группы, динамика конфликтов и процессы построения мира по завершении конфликтов.

Краткое изложение

Банды давно считаются источником насилия и опасности, но сейчас их все чаще воспринимают как причину нестабильности и угрозу для государства. Однако действуют банды главным образом вне ситуаций конфликта, что дает повод для вопроса: «Разумно ли пытаться понять такое явление, как банда, рассматривая его через призму конфликта?» Также между вооруженными группами и бандами существуют заметные различия в том, что касается неуправляемой территории, государства, насилия и самодостаточной устойчивости. Лишь немногие банды становятся настолько мощными, что начинают представлять угрозу для государства; поэтому трудно сравнивать их с другими вооруженными группами и необходимо при анализе обращать больше внимания на их специфику.

.....

...люди могут быть цивилизованными только тогда, когда есть другие, неизбежно менее цивилизованные люди, которые их охраняют и кормят.

Джордж Оруэлл «Редьярд Киплинг» (1942 г.)

Городское насилие характеризуют как явление, присущее определенной местности и ничем не сдерживаемое¹. Такой образ насилия, тиражируемый средствами массовой информации, создал атмосферу страха и повсеместного ощущения опасности, не зависящего от реальной ситуации на местах. Дискуссии о городах, где насилие стало обычным явлением, напоминают исследования гражданских войн, для подобных обсуждений характерна такая же озабоченность, как и тревога, которую вызывают несостоявшиеся, погрузившиеся в анархию и беззаконие, оставшиеся без управления государства. Однако в таких поверхностных описаниях часто не раскрываются глубинная динамика насилия и конфликта, причины, по которым люди берутся за оружие и участвуют в актах насилия, не анализируется концентрация насилия в отдельных районах в остальном стабильных стран и городов, природа преступников и их жертв, а также структура государственного управления в странах, сильно страдающих от насилия. В настоящее время дискуссиям о городском насилии и бандах присущи драматизация проблемы, чрезмерные обобщения в отношении насилия, упрощенный взгляд на природу банд и тенденции к оправданию жестких мер, принимаемых правительствами.

Подавляющее большинство насильственных смертей вызвано насилием вне ситуаций вооруженных конфликтов². Эти смерти являются результатом действия нескольких факторов: преступного насилия, межличностного насилия, организованной преступности, торговли наркотиками, гангстерского насилия, насилия, совершаемого под руководством государства, политического насилия. Пытаясь разобраться в феномене насилия в районах, где не происходит конфликтов, ученые и практики, чтобы осмыслить ситуацию насилия в наших городах, используют широко распространенные теории вооруженных групп и вооруженного конфликта, взятые из полемологической литературы и основанные по большей части на изучении гражданских войн. Криминологи давно считают банды проблемой уголовного характера, которую нужно решать с помощью мер по поддержанию законности и порядка. Политологи идут на шаг дальше, рассматривая банды как повстанческие образования. На банды все больше указывают как на причину насилия, фактор нестабильности, отсутствия безопасности и на угрозу государству. В связи с этим возникают важные вопросы о том, уместно ли рассматривать банды сквозь призму конфликта или разница в характерных признаках, поведении и внешних обстоятельствах, в которых действуют банды, требует пересмотра указанного подхода. Настоящая статья стремится дать ответы на эти вопросы.

Статья состоит из трех частей. В первой рассматриваются распространенные стереотипы, относящиеся к городскому насилию и бандам. Несмотря на свою неточность, эти мнения часто лежат в основе широко

1 Alisa Winton, 'Urban violence: a guide to the literature', in *Environment and Urbanization*, Vol. 16, No. 2, October 2004, p. 166.

2 Geneva Declaration Secretariat, *Global Burden of Armed Violence*, Geneva, 2008, pp. 1 and 67.

распространенного понимания феномена банд и мер, принимаемых властями по отношению к бандам. Вторая часть посвящена тому, как обычно определяются и характеризуются вооруженные группы. Далее рассматривается вопрос о том, как банды вписываются в более широкую категорию вооруженных групп. Основное внимание уделено молодежным бандам, хотя существуют и другие виды банд: байкерские, тюремные, банды скинхедов и иные виды организаций, включая объединения наркоторговцев и организованную преступность. Их часто называют просто «бандами», однако они действуют очень по-разному, и потому так важны различия между ними. В конце этой части особое внимание уделено институционализированным бандам, которые больше всего напоминают повстанческие группировки. Третья часть представляет четыре ключевых понятия полемологии: контекст неуправляемых территорий, отношения между группой и государством, роль насилия и самодостаточной устойчивости вооруженной группы. Поскольку лишь немногие группы становятся настолько мощными, чтобы представлять угрозу для государства, это затрудняет сравнение с другими вооруженными группами и наводит на мысль о необходимости более специфического подхода к их изучению.

Распространенные стереотипы³

Членов банд часто называют хищниками, преступниками, неудачниками, правонарушителями и головорезами. Их демонизируют, объявляя испорченными в силу своей природы, склонными к насилию, ленивыми, жалкими и необразованными. Банды часто ассоциируются с насилием, наркотиками и гетто⁴. Стереотипов, связанных с бандами, великое множество: они грабят ни в чем не повинных граждан; они представляют собой организации с четкой и сложной структурой; все банды похожи друг на друга; все члены банд — жестокие преступники; члены банд посвящают большую часть своего времени преступным и насильственным деяниям; члены банд ответственны за большинство преступлений, совершаемых в их районах⁵. Действительное положение дел гораздо сложнее, и в нем гораздо меньше места преступлениям и насилию. Стереотипы и шумная риторика не признают большого разнообразия банд, а также тех многочисленных факторов, которые обуславливают возникновение и долгосрочное существование банд и способствуют этому.

3 О мифах, связанных с бандами, подробнее см.: James C. Howell, 'Menacing or mimicking? Realities of youth gangs', in *Juvenile and Family Court Journal*, Vol. 58, No. 2, Spring 2007, pp. 39—50.

4 Tim Delaney, *American Street Gangs*, Pearson/Prentice Hall, Upper Saddle River, NJ, 2006, p.11; Finn-Aage Esbensen, 'Preventing adolescent gang involvement', in *Juvenile Justice Bulletin*, 2000, p. 3; Randall G. Sheldon, Sharon K. Tracy, and William B. Brown, in *Youth Gangs in American Society*, 3rd edn., Wadsworth/Thomson Learning, Belmont, CA, 2004, pp. 24—26.

5 J. C. Howell, см. выше прим. 3; T. Delaney, см. выше прим. 4, p.11; Judith Greene and Kevin Pranis, *Gang Wars: The Failure of Enforcement Tactics and the Need for Effective Public Safety Strategies*, A Justice Policy Institute Report, New York, July 2007, p. 51.

Преступность и насилие в городах в последнее десятилетие вызывают все большую озабоченность политиков и жителей больших городов во всем мире⁶. Отчасти эта озабоченность вызвана высоким уровнем преступности и насилия во многих городах. В то же время этот страх частично вызван неверными стереотипами, которые демонизируют определенные группы и возлагают ответственность за городское насилие на банды, независимо от наличия доказательств для таких утверждений. Молодой человек, покрытый татуировками, дерущийся на улице и торгующий наркотиками, — вот обычный стереотипный портрет члена банды. Хотя татуировки, драки, наркотики вполне обычны во многих бандах, они не являются определяющим признаком банды, а большое разнообразие членов банд и видов их поведения наводит на мысль о том, что, принимая во внимание исключительно эти отрицательные элементы, можно исказить правильное понимание феномена банд, их деятельности и их более широких функций в сообществах.

Озабоченность в связи с урбанизацией и ростом населения городов связана с представлением о том, что насилие и преступность — спутники городской жизни. Насилие в городах «достигло беспрецедентного уровня во многих развивающихся странах»⁷. Сегодня в городских поселениях живет более 50% населения мира, а в развивающихся странах эта цифра достигает 90%⁸. Отсюда следует вывод о том, что городское насилие с наибольшей вероятностью происходит в тех городах, которые меньше всего готовы предотвратить его или на него реагировать, и банды могут играть в этом насилии значительную роль, поскольку они «наиболее заметны и больше всего склонны к насилию во время быстрых демографических изменений»⁹. Хотя рост населения в городах связан с повышением уровня насилия, это не значит, что любой рост населения в городах приводит к усугублению насилия. Действительность не так однозначна. Рост городов сам по себе не является причиной насилия. На самом деле, то, насколько благополучно растет город и какой риск насилия возникает при этом, определяется характером роста, способностью городов абсорбировать новых жителей, способностью властей планировать и регулировать рост, а также способностью властей удовлетворять потребности нового городского населения¹⁰. Когда города растут без плана и в результате умножается численность городской бедноты, появляется больше кварталов, застроенных лачугами, больше трущоб, и их население становится более уязвимым для преступности и насилия¹¹.

6 Ellen Brennan, *Population, Urbanization, Environment, and Security: A Summary of the Issues*, Woodrow Wilson Center, Occasional Paper Series, No. 22, 1999, p. 16; UN-HABITAT, *Enhancing Urban Safety and Security; Global Report on Human Settlements 2007, Vol. 1: Reducing Urban Crime and Violence: Policy Directions*, Earthscan, London, 2008.

7 A. Winton, см. выше прим. 1, с. 165.

8 UN-HABITAT, *State of the World's Cities 2008/9: Harmonious Cities*, Earthscan, London, 2008, p. 15.

9 James C. Howell, 'Youth gangs: an overview', in *Juvenile Justice Bulletin*, August 1998, p. 2.

10 UN-HABITAT, см. прим. выше, с. 2—5; 14, 15.

11 Там же, с. 2—5.

На банды часто возлагают ответственность за городское насилие, несмотря на отсутствие систематической информации о насилии банд¹². Не все насилие, которое имеет место в городах, является насилием банд: например, в Центральной Америке от 10 до 60% преступного насилия приписываются бандам¹³. Несомненно, что при нижнем уровне оценки — 10%, а тем более при верхнем, виновниками насилия являются и многие другие акторы. В действительности чрезвычайно трудно определить, какой процент преступлений представляет собой результат деятельности банд¹⁴. В США правоохранительные органы используют разные определения для измерения насилия банд — насилие, связанное с бандами, и насилие, мотивированное бандами¹⁵. Первое включает в себя любое преступление, совершенное членом банды, второе — любое преступление, совершенное от имени банды¹⁶. В зависимости от того, какое из этих двух определений используется, результаты получаются очень разные. Например, исследование данных по убийствам, собранных полицией Лос-Анджелеса, показало, что когда используется определение, основанное на мотиве, количество убийств, совершенных бандами, оказывается в два раза меньше, чем при применении определения, основанного на членстве¹⁷. Во многих случаях члены банд действовали самостоятельно — в порядке сведения личных счетов, а не в интересах банды. Участие члена банды в преступлении или акте насилия не означает, что этот акт совершается бандой.

Насилие часто используется как основной критерий, позволяющий отличать банды от других молодежных групп. Однако включение насилия в определение банд оспаривается теми, кто предлагает, чтобы участие банд в насилии оценивалось, а не принималось как данность. Хотя и считается, что основными виновниками преступлений являются члены банд, в действительности это не так¹⁸. Этот миф о постоянном участии в преступной деятельности создается, в основном, преувеличенными сообщениями в СМИ и рассказами самих членов банд¹⁹. Все банды занимаются преступной деятельностью и деятельностью насильственного характера в той или иной форме. Однако виды этой деятельности могут быть различными; они не всегда имеют насильственный характер, а члены банд редко специализируются на каких-то конкретных видах преступлений²⁰. Кроме того, члены банд, вопреки стере-

12 Обзор информации о насилии банд в региональном масштабе см.: Scott Decker and David C. Pyrooz, 'Gang violence: context, culture and country', in *Small Arms Survey: Gangs, Groups, and Guns*, Cambridge University Press, Cambridge, 2010. pp. 129—156.

13 Там же, с. 141.

14 R. G. Shelden, S. K. Tracy, and W. B. Brown, см. выше прим. 4, с. 21.

15 Malcolm W. Klein and Cheryl L. Maxson, *Street Gang Patterns and Policies*, Oxford University Press, Oxford, 2006, pp. 69—71; R. G. Shelden, S. K. Tracy, and W. B. Brown, см. выше прим. 4, pp. 22—23.

16 J. Greene and K. Pranis, см. выше прим. 5, с. 51.

17 Там же.

18 Там же, с. 61.

19 J. C. Howell, см. выше прим. 3, pp. 39—40.

20 M. W. Klein and C. L. Maxson, см. выше прим. 15, с. 73—74.

отипам, не все свое время посвящают преступной деятельности; напротив, они гораздо больше времени «тусуются», чем нарушают закон²¹.

Если не следовать стереотипам, представляя банды как склонные к насилию преступные объединения, а осмыслить их как особую форму социальной организации в сообществе, это позволит вывести дискуссию за пределы субъективных мнений о том, что хорошо, а что плохо, и сосредоточиться на бандах, их действиях и влиянии, которое они оказывают. Банды являются одним из многих социальных акторов внутри сообщества²². Они могут оказывать положительное или отрицательное воздействие на сообщества в зависимости от той роли, которую они играют. В некоторых случаях они действуют как грабители и порождают страх и атмосферу опасности; в других — представляют некую форму защиты, когда существующие государственные силы безопасности не оказывают защиты²³. Не следует делать вывод, что банды опасны или полезны, — понимание такого явления, как банда, требует большего, чем простая оценка той опасности, которую они представляют.

Понятие вооруженной группы

Что такое вооруженная группа? Стандартного общепринятого определения не существует²⁴. На первый взгляд, ответ на вопрос, что такое вооруженная группа, кажется очевидным: на самом элементарном уровне вооруженная группа — это организованная группа с четкой структурой, членством и способная применять насилие для достижения своих целей. Однако это широкое определение мало помогает в проведении различия между разными вооруженными группами. Так, например, оно может включать в себя государственные силы безопасности, такие как полиция и вооруженные силы, а также силы безопасности, поддерживаемые государством, такие как полувоенные и военизированные группировки. Чтобы избежать включения в формулировку контролируемых государством сил, которые воспринимаются широкой общественностью как группы, имеющие законное право носить и приме-

21 Там же, с. 69.

22 John M. Hagedorn, 'Introduction: globalization, gangs, and traditional criminology', in John M. Hagedorn (ed.), *Gangs in the Global City: Alternatives to Traditional Criminology*, University of Illinois Press, Chicago, 2007, p. 2.

23 О роли банд см.: Enrique Desmond Arias and Corinne Davis Rodrigues, 'The myth of personal security: criminal gangs, dispute resolution, and identity in Rio de Janeiro's favelas', in *Latin American Politics and Society*, Vol. 48, No. 4, Winter 2006, pp. 53—81; John M. Hagedorn, *A World of Gangs: Armed Young Men and Gangsta Culture*, University of Minnesota Press, Minneapolis, 2008, p. 21

24 Различные определения «вооруженной группы» (и обсуждение конкурирующих определений) см.: Jörn Gravingholt, Claudia Hofmann, and Stephan Klingebiel, *Development Cooperation and Non-state Armed Groups*, German Development Institute, Bonn, 2007, pp. 22—28; David Petrasek, *Armed Groups and Peace Processes: Pondering and Planning Engagement*, Centre for Humanitarian Dialogue, Geneva, November 2005, p. 8—10; Pablo Policzer, *Neither Terrorists nor Freedom Fighters*, Armed Groups Project, Working Paper 5, Latin American Research Centre, Calgary, 2005, p. 6—10.

нять оружие, во многих определениях уделено основное внимание группам, существующим вне государственного контроля²⁵. Многочисленные группы с самыми разнообразными характерными чертами и очень сильно отличающиеся друг от друга по составу, деятельности и роли, которую они играют в обществе, попадают в категорию «негосударственных вооруженных групп», включающую в себя банды, ополчения, повстанческие группы, мятежников, террористов и преступные организации²⁶.

Эти ярлыки дают некоторое представление о природе группы, но они могут и вводить в заблуждение. Положительные ярлыки указывают на то, что группа обладает неким легитимным правом взяться за оружие, — «революционеры», «освободительные движения», «борцы за свободу», «ополчения», «добровольные общественные организации» и «отряды самообороны». Отрицательные ярлыки намекают на незаконность и нелегитимность группы — «террористы», «мятежники», «бунтовщики», «преступники», «банды» и «полевые командиры». Иногда ярлыки с противоположной коннотацией применяются к одним и тем же группам, и нередко применение ярлыка больше говорит о том, кто его использует, чем о самой группе²⁷. Поэтому часто полезнее подробно описать отличительные черты какой-либо вооруженной группы, чем применять к ней то или иное обозначение.

Различные исследователи предложили взамен классификации вооруженных групп по конкретным категориям применять методы, позволяющие сравнивать группы исходя из их характерных черт. Один аналитик строит свою категоризацию групп на основании девяти критериев: мотивация, цель, сила, размах, финансирование, организационная структура, роль насилия, отношение к государству и функция, которую они выполняют в обществе²⁸. Другой предлагает использовать «наименьший общий знаменатель» формирования групп по трем основным признакам: членство (то есть привлечение в группу), материально-техническая база (например, оружие и питание) и руководство (командование, управление и связь)²⁹. Также можно рассматривать вооруженные группы, пользуясь своеобразной шка-

25 Международный совет по политике в области прав человека (МСПОПЧ), например, определяет вооруженные группы как «группы, которые вооружены, применяют силу для достижения своих целей и не находятся под контролем государства». См.: ICHRP, *Ends and Means: Human Rights Approaches to Armed Groups*, ICHRP, Geneva, 1999, p. 5.

26 Примеры типологий негосударственных вооруженных групп см.: Ulrich Schneckener, *Spoilers or Governance Actors? Engaging Armed Non-state Groups in Areas of Limited Statehood*, German Research Foundation (DFG), Research Centre (SFB)-Governance Working Paper Series, No. 21, 2009, Freie Universität Berlin, October; Richard H. Schultz, Douglas Farah, and Itamara V. Lochard, *Armed Groups: A Tier-one Security Priority*, Institute for National Security Studies (INSS), Occasional Paper 57, Colorado, September 2004; Anthony Vinci, 'The "problems of mobilization" and the analysis of armed group', in *Parameters*, Vol. 36, No.1, Spring 2006, pp. 49—62; Phil Williams, *Violent Non-state Actors and National and International Security*, International Relations and Security Network (ISN), Swiss Federal Institute of Technology, Zurich, 2008.

27 Michael Bhatia, 'Fighting words: naming terrorists, bandits, rebels and other violence actors', in *Third World Quarterly*, Vol. 26, No.1, 2005, pp. 5—22.

28 P. Williams, см. выше прим. 26, с. 8.

29 A. Vinci, см. выше прим. 26, с. 50.

лой, учитывающей отношение соответствующей группы к правительству, уровень ее организации и ее способность к насилию в широких масштабах³⁰. Использование такой шкалы ясно показывает проблемы, возникающие при попытке дать четкое определение часто применяемым ярлыкам (например «ополчение», «мятежники» или «полевые командиры»), и призвано их разрешить, а также выявляет трудности с ранжированием разных видов групп (например по уровню насилия или организации) и то обстоятельство, что конкретные вооруженные группы могут перемещаться по шкале с течением времени (например, становясь более или менее склонными к насилию, изменяя уровень организованности или переходя от поддержки правительства к противостоянию с ним).

Определение места банд

Важный вопрос: как соотносятся банды с вооруженными группами?³¹ Обычно слова «негосударственные вооруженные группы» вызывают представление о группах, оппозиционных правительству: группы, которые участвуют в гражданских войнах — мятежники, борцы за свободу, повстанцы — вот стереотипные образы негосударственных вооруженных групп. Однако в эту категорию входят и некоторые другие группы, хотя не все они прямо бросают вызов государству. Можно привести такие примеры, как банды в Лос-Анджелесе, марас в Сальвадоре, скинхеды в Германии, Российской Федерации и на Украине. Банды, несомненно, представляют собой пример негосударственной вооруженной группы, но как их сравнивать с другими негосударственными вооруженными группами, не вполне ясно. Дифференциация в данном случае вызывает особенно большие трудности в связи с тем, что ярлык «банда» используется широко, распространяясь на молодежные и байкерские банды, наркосиндикаты, тюремные банды и организованную преступность.

В настоящей статье основное внимание уделяется молодежным бандам³². Как и в случае вооруженных групп, единого определения банды не существует³³. Тем не менее имеются часто используемые определения. Кляйн описывает молодежную банду следующим образом:

30 Jennifer M. Hazen, 'Force multiplier: pro-government armed groups', in *Small Arms Survey 2010*, см. выше прим. 12, с. 258.

31 Важно отметить, что не все банды являются вооруженными, и не все вооруженные банды используют огнестрельное оружие. См.: S. Decker and D. C. Pyrooz, см. выше прим. 12, с. 144—145.

32 Если не указано иное, термин «банда» относится к молодежным бандам, которые часто также называют уличными бандами. Описание других видов банд (например, байкерских и тюремных банд, скинхедов) см. выше T. Delaney, прим. 4, с. 13—34.

33 Различные определения «банды» (и обсуждение конкурирующих определений) см.: Robert J. Bursik and Harold G. Grasmick, 'Defining and researching gangs', in Arlen Egle, Jr. et al. (eds), *The Modern Gang Reader*, 3rd edn, Roxbury Publishing Company, Los Angeles, 2006, pp. 2—13; S. Decker and D. C. Pyrooz, см. выше прим. 12, с. 131; J. Greene and K. Pranis, см. выше прим. 5, с. 9—11; J. M. Hagedorn, см. выше прим. 23, с. 23—31; M. W. Klein and C. L. Maxson, см. выше прим. 15, с. 5—9.

«любая поддающаяся обозначению подростковая группа молодых людей, которые (а) воспринимаются другими людьми в районе как особая общность, (б) признают себя поддающейся обозначению группой (почти всегда с названием группы) и (в) участвовавшие в таком количестве правонарушений, которое достаточно, чтобы вызвать последовательно отрицательное отношение жителей района и (или) правоохранительных органов»³⁴.

Ф. Трэшер дает такое определение банды: «...промежуточная группа, первоначально сформировавшаяся самопроизвольно, а затем интегрировавшаяся посредством конфликта»³⁵. Хагедорн определяет банды как «отчужденные группы, социализируемые улицей или тюрьмой»³⁶. Определения банд оспариваются по ряду пунктов, в частности в том, что касается включения преступности или насилия³⁷. Однако включение преступной и насильственной деятельности полезно для проведения различия между молодежными бандами и иными видами молодежных групп³⁸.

Несмотря на различные трудности, возникающие при обобщении, мы можем сказать, что у банд есть некоторые общие характеристики. Они представляют собой по большей части феномен, характерный для крупных городов, хотя сегодня они встречаются также в небольших городах и вообще за пределами городов³⁹. Это чаще всего группы, вытесненные на обочину жизни общества. Хотя члены банды обычно принадлежат к одной этнической группе, это не является определяющим признаком банды⁴⁰. Члены банд, как правило, молоды, от 12 до 30 лет⁴¹. Долгое время считалось, что банды состоят преимущественно из лиц мужского пола; хотя это до сих пор действительно так, есть сведения, что женщины играют в бандах все более важную роль⁴². Большинство банд имеют рыхлую организацию и характеризуются относительной сплоченностью, причем наиболее сплоченные обычно

34 Malcolm W. Klein, *Street Gangs and Street Workers*, Prentice-Hall, Englewood Cliffs, NJ, 1971, p. 13, quoted in M.W. Klein and C. L. Maxon, см. выше прим. 15, с. 6.

35 Frederic Thrasher, *The Gang: A Study 1,313 Gangs in Chicago*, University of Chicago Press, Chicago, 1927, p. 27.

36 J. M. Hagedorn, см. выше прим. 23, с. 31.

37 Mercer L. Sullivan, 'Are "gang" studies dangerous? Youth violence, local context, and the problem of reification', in James F. Short and Lorine A. Hughes, (eds), *Studying Youth Gangs*, Rowman and Littlefield Publishers, Lanham, MD, 2006, pp. 15—16.

38 См.: Malcolm W. Klein, *The American Street Gang*, Oxford University Press, Oxford, 1995, pp. 23—28.

39 M. W. Klein and C. L. Maxon, см. выше прим. 15, с. 108; David Starbuck, James C. Howell, and Donna J. Lindquist, 'Hybrid and other modern gangs', in *Juvenile Justice Bulletin*, December 2001, p. 2.

40 F.-A. Esbensen, см. выше прим. 4, pp. 3—4; M.W. Klein, см. выше прим. 38, с. 29.

41 F.-A. Esbensen, см. выше прим. 4, p. 3; M.W. Klein, см. выше прим. 38, p. 29. Irving A. Spergel, 'Youth gangs: continuity and change', in *Crime and Justice*, Vol. 12, 1990, pp. 217—219.

42 M. W. Klein and C. L. Maxon, см. выше прим. 15, p. 109; Joan Moore and John M. Hagedorn, 'Female gangs: a focus on research', in *Juvenile Justice Bulletin*, March 2001, p. 2.

наиболее склонны к правонарушениям⁴³. Банды редко специализируются на каком-то одном виде правонарушений, напротив, они совершают различные правонарушения, при этом насильственные преступления совершаются наиболее редко⁴⁴. Банда может существовать от нескольких месяцев до нескольких десятилетий⁴⁵. Цели, преследуемые бандами, могут быть разными, но одним из важнейших признаков, отличающих банды от других негосударственных вооруженных групп, является то, что они не стремятся свергнуть правительство.

Институционализированные банды

Ранее исследователи банд предполагали, что со временем они просто исчерпывают себя и часто распадаются по мере взросления своих членов: банды рассматривались как временное явление и как нормальная часть развития молодежи⁴⁶. Таким образом, считалось, что банды могут доставлять определенные неудобства сообществам в краткосрочном плане, но как долгосрочная угроза законности и порядку они не рассматривались. Однако выявление в 1980-х гг. «институционализированных банд» поставило под вопрос эти взгляды и положило начало дискуссии об эволюционных моделях банд, а также породило опасения, что молодежные или уличные банды могут со временем превратиться в преступные организации⁴⁷. Хотя институционализированные банды остаются редким явлением, то обстоятельство, что они могут существовать в течение продолжительного времени, их обширная преступная деятельность и способность к масштабному насилию поставили их в центр внимания правоохранительных органов и правительств⁴⁸.

Институционализированные банды стали называть супербандами, преступными коммерческими организациями и корпоративными бандами, их описывают как структуры, отличающиеся высоким уровнем организации и формальным характером⁴⁹. Во многих случаях это является преувеличением. Институционализированные банды вовсе не обязательно имеют иерархическую структуру с единым номинальным главой или военной субординацией. Они не являются или, во всяком случае, редко являются «эффективными, централизованными преступными синдикатами с крестным отцом

43 M. W. Klein and C. L. Maxson, см. выше прим. 15, p. 110; M. W. Klein, см. выше прим. 38, с. 2

44 M. W. Klein and C. L. Maxson, см. выше прим. 15, с. 110.

45 M. W. Klein, см. выше прим. 38, с. 29; Rob White, 'Understanding youth gangs', in *Trends & Issues in Crime and Criminal Justice*, No. 237, Australian Institute of Criminology, August 2002, p. 5.

46 I. A. Spengel, см. выше прим. 41, с. 177—179, 199.

47 См.: Deborah Lamm Wiesel, *Contemporary Gangs: An Organisational Analysis*, LFB Scholarly Publishing, New York, 2002, pp. 73—77.

48 J. M. Hagedorn, см. выше прим. 23, p. 20.

49 John M. Hagedorn, 'Gangs in late modernity', in J. M. Hagedorn, *Gangs in the Global City*, см. выше прим. 22, с. 304; Sudhir Alladi Venkatesh, *Community justice and the gang: a life-course perspective*, неопубликованная работа, доступна по адресу: http://www.streetgangs.com/academic/venkatesh_paper.pdf (последнее посещение 1 июня 2010 г.); R. White, см. выше прим. 45, с. 2.

во главе⁵⁰». Тенденция к образованию формальной структуры действительно имеется, однако она часто больше напоминает сеть, нежели единый порядок подчинения⁵¹. Институционализация включает в себя два элемента: долговременное существование и обыденность⁵². Долговременное существование подразумевает способность группы сохраняться в качестве банды с течением времени⁵³; обыденность подразумевает признание банды в качестве обычного элемента жизни района. Фундаментальное значение для институционализации имеет способность банды к существованию в течение долгого времени путем постоянного принятия новых членов, замены членов, выбывающих по достижении определенного возраста, и развития чувства принадлежности к банде. Таким образом, банда существует независимо от лидера или лидеров, что обеспечивает длительность ее существования — даже при изменениях в составе членов и смене лидеров.

И исследователи, и сотрудники правоохранительных органов склонны сосредоточивать внимание на крупных, наиболее склонных к насилию и наиболее институционализированных бандах. Конечно, можно утверждать, что такие банды создают самые серьезные проблемы в плане безопасности, и это оправдывает особое к ним внимание. Однако подобное отношение приводит к приравниванию членов банд к преступникам или банд — к организованной преступности, в результате чего во многих странах органы уголовного правосудия зачастую считают необходимым лишать членов банд свободы, а в ходе правоохранительных мероприятий применяется излишне жесткая тактика⁵⁴. В большинстве случаев такая тактика, напоминающая военную (например, «Твердая рука» в Сальвадоре), не принесла ожидаемых результатов⁵⁵. Хотя поначалу она может привести к снижению уровня насилия, совершаемого бандами, в плане долгосрочного сокращения присутствия банд такие меры, по-видимому, неэффективны⁵⁶. Напротив, жесткая тактика может привести к обострению насилия и повысить сплоченность банд. Использование военнослужащих для борьбы с наркобандами в Мексике, например, привело к переходу насилия на более высокий уровень⁵⁷.

50 J. M. Hagedorn, см. выше прим. 23, с. 19.

51 Там же; D. L. Weisel, см. выше прим. 57, с. 73.

52 John M. Hagedorn, 'Gangs, institutions, race, and space: the Chicago school revisited', in J. M. Hagedorn, *Gangs in the Global City*, см. выше прим. 22, с. 23.

53 J. M. Hagedorn, см. выше прим. 23, р. 8.

54 Robert K. Jackson and Wesley D. McBride, *Understanding Street Gangs*, Thomas Higher Education, Belmont, CA, 2000, pp. 28—29.

55 Jennifer M. Hazen and Chris Stevenson, 'Targeting armed violence: public health interventions', in *Small Arms Survey 2008: Risk and Resilience*, Cambridge University Press, Cambridge, 2008, pp. 289 and 293; Oliver Jutersonke, Rubert Muggah, and Dennis Rodgers, 'Urban violence and security promotion in Central America', in *Security Dialogue*, Vol. 40, 2009, pp. 382—385.

56 J. M. Hagedorn, см. выше прим. 23, с. 20

57 См., например: Sandra Dibble, 'Mexican military on drug war's front lines', in *San Diego Union Tribune*, 1 February 2009, доступно по адресу: http://www.newssafety.org/index.php?view=article&catid=345%Amexico-security&id=11589%3Amexican-military-on-drug-wars-front-lines&option=com_

Некоторые исследователи предлагали считать банды одной из форм повстанческих групп и обращаться с ними соответственно, утверждая, что города сталкиваются с «другим видом войны» и что банды стремятся «нейтрализовать правительства, поставить их под свой контроль или свергнуть»⁵⁸. Доказательств для такой точки зрения очень немного. У банд мало общего с повстанческими группировками. Самое главное, банды не стремятся к захвату государственной власти, а именно это представляет собой основную цель повстанцев. Они не являются «новыми городскими повстанцами», которые «должны в конечном итоге захватить политическую власть, чтобы гарантировать себе свободу действий и такую коммерческую среду, какая им нужна»⁵⁹. Они не объявляют войну правительствам или государствам. Они не пытаются свергать правительства. В действительности, создается такое впечатление, что во многих местах банды стараются оставаться вне поля видимости правоохранительных органов или сотрудничать с государственными субъектами (включая правоохранительные органы), чтобы защитить себя от притеснений и получить возможность продолжать свою рискованную экономическую деятельность.

Взгляд на банды через призму конфликта

Настоящий раздел посвящен вопросу о том, следует ли при изучении банд рассматривать их сквозь призму вооруженного конфликта. Основное внимание здесь уделено, в частности, четырем концепциям, которые часто используются при обсуждении вооруженных групп, особенно повстанческих: неуправляемые территории, отношение к государству, роль насилия и самодостаточная устойчивость группы⁶⁰. Этот анализ служит предостережением тем, кто обычно изучает вопросы внутреннего конфликта и вооруженных группировок: простое рассмотрение этой проблематики сквозь призму вооруженного конфликта может быть неуместным. Некоторые политики и практики, как представляется, смещают фокус своего внимания и финансирования на вооруженные группы в неконфликтных контекстах — а это, несомненно, означает сосредоточение внимания на бандах. Подобное предостережение напоминает им о том, что они вступают

content&Itemid=100298 (последнее посещение 23 июня 2010 г.); Duncan Kennedy, 'Mexico extends army's drugs fight', in *BBC News*, 28 May 2008, доступно по адресу: <http://news.bbc.co.uk/1/hi/world/americas/7424797.stm> (последнее посещение 23 июня 2010 г.).

58 Max G. Manwaring, *A Contemporary Challenge to State Sovereignty: Gang and Other Illicit Transnational Criminal Organizations in Central America, El Salvador, Mexico, Jamaica, and Brazil*, Strategic Studies Institute Monograph, US Army War College, Carlisle, PA, December 2007, pp. 1—2.

59 Max G. Manwaring, *Street Gangs: The New Urban Insurgency*, Strategic Studies Institute Monograph, US Army War College, Carlisle, PA, March 2005, p.2.

60 Дж. М. Хагедорн (J. M. Hagedorn), см. выше прим. 49, сравнивая банды с другими вооруженными группами, утверждает, что банды должны рассматриваться как социальные акторы, а не как террористы.

в область незнаемого и должны двигаться дальше с осторожностью. Будет необходимо поставить под вопрос прежние допущения, подходы, стереотипы мышления, а также пересмотреть типологии групп и насилия. Недостаточно просто сместить объектив, через который мы рассматриваем конфликты, и сфокусироваться на бандах.

Неуправляемые территории

Термин «неуправляемые территории» ввел в оборот бывший государственный секретарь США Джордж Шульц. С тех пор термин стал популярным среди американских военных, он часто звучит в дискуссиях о несостоятельных государствах и о городах, где высок уровень преступности и насилия⁶¹. Это понятие призвано отразить положение в отдельных странах или городах, где нет эффективного государственного присутствия. Правительство США опасается, прежде всего, что неуправляемые территории могут стать убежищами для террористических группировок, таких как «Аль-Каида», и других вооруженных группировок и банд, которые могут воспользоваться отсутствием государственного контроля в зонах, где они действуют⁶². Неуправляемые территории воспринимаются как угроза государству, поскольку они делают возможным создание и расширение вооруженной группы, свободное осуществление ею своей деятельности, изменение норм поведения в этих пространствах и расцвет незаконной деятельности, которая часто способствует поддержанию и укреплению вооруженной группы⁶³. Иными словами, неуправляемые территории служат для вооруженных групп плацдармом — там эти группы могут планировать и готовить нападения на государство, оттуда они могут наносить по нему удары.

Но этот термин может ввести в заблуждение. Слово «неуправляемые» обозначает отсутствие эффективного государственного управления, а не всякого управления — то есть анархии. Характерные признаки «неуправляемых» государств или зон таковы: слабость пограничного контроля и контроля над воздушным пространством, неспособность правительства эффективно осуществлять свои полномочия за пределами столицы или городских центров, полная или частичная неспособность государства обеспечить безопасность

61 См.: Jonathan Di John, *Conceptualizing the causes and consequences of failed states: a critical review of the literature*, Crisis States Research Centre, Working Paper Series, No. 2, January 2008; Richard J. Norton, 'Feral cities: the new strategic environment', in *Naval War College Review*, Vol. 56, No. 4, Autumn 2003, pp. 97—106.

62 См., например: Robert D. Lamb, *Ungoverned Areas and Threats from Safe Havens*, Final Report of the Ungoverned Areas Project, Office of the Under Secretary of Defense for Policy, Washington D. C., 2008; US Department of Defense, *US National Defense Strategy*, Washington, D. C., June 2008. См. также: Stewart Patrick, 'Weak states and global threats: fact or fiction?', in *Washington Quarterly*, Vol. 29, No. 2, 2006, pp. 27—53; Angel Rabasta et al., *Ungoverned Territories: Understanding and Reducing Terrorism Risks*, RAND Corporation, Santa Monica, CA, 2007, pp. 1—2.

63 Troy Thomas, 'Control roaming dogs: governance operations in future conflict', in *Military Review*, January-February 2006, p. 80.

и ограниченная защита граждан от насилия, слабые политические системы, отсутствие полноценного правового регулирования, неспособность установить легитимную монополию власти⁶⁴. В разных государствах и на разных территориях эти признаки бывают выражены в разной степени. Эти вариации можно представить в виде континуума:

«В благополучной части континуума находятся в целом вполне жизнеспособные государства, утратившие контроль над какой-либо частью географического или функционального пространства внутри своей территории... Другая его часть — несостоятельные государства, в которых институты центрального управления настолько ослаблены, что они не могут сохранять свою власть или поддерживать политический порядок вне крупных городов, а иногда — и в таких городах»⁶⁵.

Во многих развивающихся странах влияние государства просто не ощущается вдали от столицы. Слабость присутствия государства может быть неизбежной, что объясняется нехваткой потенциала, материальных и людских ресурсов для эффективного управления отдаленными городами. Она может быть создана намеренно в результате сосредоточения сил в столице и решения игнорировать периферийные районы. Она может быть также обусловлена желанием извлечь выгоду. Неуправляемые территории создавали и создают, с их существованием мирились и мирятся по целому ряду причин: например, чтобы смягчить пограничные споры, чтобы позволить коррумпированным политикам легче проводить сомнительные финансовые операции, чтобы содействовать торговле наркотиками⁶⁶. Экономическая выгода, получаемая на неуправляемых территориях и благодаря им, создает определенную прослойку людей, заинтересованных в сохранении этих территорий⁶⁷. Эта прослойка может включать в себя кого угодно — от местного торговца, которому нужно продать свой товар, или местного лидера, который может обложить данью тех, кто занимается на местах экономической деятельностью, до политика национального масштаба, которому выгодно позволять, чтобы такое положение дел сохранялось. Она может включать в себя и целый спектр вооруженных групп, которым ограниченный характер влияния государства дает возможность организовать и действовать. Однако даже на неуправляемых территориях существует какая-то форма управления.

64 A. Rabasa et al., см. выше прим. 62, с. 1.; Laura Tedesco, *The Latin American state: 'failed' or evolving?* FRIDE Working Paper 37, May 2007, p. 1.

65 A. Rabasa et al., см. выше прим. 62, с. 1.

66 Anne L. Clunan and Harold Trinkunas, *Ungoverned spaces? Alternatives to state authority in an era of softened sovereignty*, paper delivered at International Studies Association annual meeting, San Francisco, 26—30 March 2008, доступно по адресу: http://www.allacademic.com/meta/mla_apa_research_citation/2/5/1/3/5/pages251351/p251351-1.php (последнее посещение 23 июня 2010 г.)

67 Там же.

В тех местах, где нет официальных органов власти или где такие органы чрезвычайно слабы и неэффективны, обычно существует какая-то неофициальная структура, заполняющая собой вакуум безопасности, оставленный правительством⁶⁸. В некоторых случаях эту роль берут на себя местные или племенные лидеры, что часто рассматривается как благополучная и приемлемая ситуация, хотя и менее удовлетворительная, нежели государственное управление. Безопасность могут также обеспечивать группы, организованные на уровне местных сообществ. В Нигерии местные сообщества создают группы поддержания порядка (подобные группам «присмотра за соседями» в США) для патрулирования деревень и сдерживания преступности, поскольку они не могут полагаться на полицию или поскольку полиция просто не присутствует в деревне⁶⁹. В других случаях управление в каком-то смысле осуществляется вооруженной группой, способной навязать свою волю в пределах соответствующей территории. Уровень управления, который удается установить вооруженным группам, и социальные услуги, которые они обеспечивают, разнятся от группы к группе. Роль, которую играют такие группы, часто зависит от их целей и от того, что необходимо для их достижения.

Нет таких вооруженных групп, за исключением тех, что стремятся свергнуть правительство, которые бы предпочитали полное отсутствие управления. Вооруженные группы ничего не выигрывают от хаоса или полного безвластия. На самом деле, неформальные акторы склонны скорее предпочитать ослабленное управление или, по меньшей мере, обеспечение функционирования экономики и элементарной безопасности, но без каких-либо помех для своей противозаконной деятельности⁷⁰. Несмотря на расхожее мнение о том, что «злодеи» любят заполнять собой пустоту там, где нет никакого государственного присутствия, и что такие группы активно ищут эти территории, это, по всей вероятности, не совсем верно. При полном отсутствии государственных служб или административного управления вооруженной группе пришлось бы самой обеспечивать функционирование таких служб за свой счет, чтобы осуществлять свою деятельность. В условиях безначалия неформальным группам действовать трудно (и их деятельность требует немалых расходов)⁷¹.

Часто вопрос заключается не в том, существует ли управление, а в

68 Monika François and Inder Sud, 'Promoting stability and development in fragile and failed states', in *Development Policy Review*, Vol. 24, No. 2, 2006, p. 143.

69 Jennifer M. Hazen with Jonas Horner, *Small Arms, Armed Violence, and Insecurity in Nigeria: The Niger Delta Perspective*, Small Arms Survey, Occasional Paper No. 20, Geneva, 2007, pp. 73—75, 90—91, and 106—107.

70 См.: Jessica Piombo, *Growing wild? Ungoverned spaces and terrorist proliferation in Africa*, доклад, представленный на ежегодном заседании Американской политологической ассоциации в Чикаго 30 августа — 2 сентября 2007 г., доступен по адресу: http://www.allacademic.com/meta/p_mla_apa_research_citation/2/0/9/5/2/pages209529/p209529-1.php (последнее посещение 23 июня 2010 г.).

71 Там же.

том, какой вид управления осуществляется и кем⁷². Важно, *кто* заполняет собой пустые места поскольку эти люди становятся центрами власти в сообществе. Важно и то, *как* заполняются такие пустые места, потому что этим определяется масштаб вызова, бросаемого государству. В таких условиях у акторов может быть разная степень мотивации заполнения пустот в управлении — соответственно и острота проблемы, которую они представляют для государства, тоже может быть различной. Банды, повстанческие группы, организованная преступность, террористы и наркоторговцы, в зависимости от того, как они «правят» и какие услуги предоставляют, в разной степени контролируют население и в разной степени пользуются его поддержкой. Чем эффективнее они обеспечивают безопасность и чем больше предоставляют услуг, тем с большей вероятностью население будет их поддерживать, и тем меньше оно будет нуждаться в правительстве. Такое положение вещей может постепенно привести к утрате правительством поддержки, а также к снижению ценности и легитимности возвращения правительства в этот район⁷³.

Учитывая большую вариативность вооруженных групп — включая повстанцев, мятежные группировки, преступные организации и террористов — трудно делать общие заключения о том, как они действуют внутри неуправляемых территорий. Преступные организации и террористы могут охотно использовать возможности для маневров, которые эти территории им предоставляют, но они обычно не стремятся установить над ними эффективное управление. Отсутствие государственных структур особенно ярко выражено в случае гражданской войны, когда повстанческие группировки контролируют определенные части страны. В редких случаях повстанческие группировки создают какую-то параллельную государственную структуру, которая обеспечивает определенный уровень управления и может даже предоставлять в ограниченных пределах социальные услуги — в качестве примера можно привести Кот-д’Ивуар⁷⁴. Эти действия не являются альтруистической благотворительностью: вооруженные группы предоставляют услуги, когда это соответствует их более широким целям. Банды обычно действуют в тех зонах, где управление осуществляется в недостаточном объеме. В этих ситуациях определяющим фактором является не отсутствие правительства или недоступность предоставляемых им услуг, а недостаточность как правительственного присутствия, так и правительственных услуг. С одной стороны, это дает возможность бандам использовать такую прореху в государственном контроле, однако, с другой стороны, само наличие неуправляемых территорий способствует созданию банд, поскольку на этих территориях не обеспечивается безопасность.

В некоторых случаях банды в какой-то форме обеспечивают

72 A. L. Clunan and H. Trinkunas, см. выше прим. 66.

73 E. D. Arias and C. D. Rodrigues, см. выше прим. 23, с. 77—78.

74 См.: Daniel Balint-Kurti, 'Côte d'Ivoire's *Forces Nouvelles*', Africa Programme Paper, Armed Non-state Actors Series, Chatham House, London, September 2007.

управление, разрешение споров и безопасность⁷⁵. Со временем это может подорвать способность правительства действовать в этих зонах и придать банде смелости и силы и в конечном итоге привести к ее внедрению в какое-либо конкретное сообщество. Однако хотя банды и в самом деле обычно бывают вооруженными акторами, стремящимися контролировать определенные аспекты жизни в районе (например, экономическую деятельность, местную динамику в районе, территориальные претензии конкурирующих групп), они лишь в редких случаях прямо угрожают государству. Поэтому, в отличие от вооруженных групп во время гражданских войн (которые как раз намеренно делают это), банды являются для государства угрозой иного рода — они не представляют собой опасности для его выживания в самом примитивном смысле, но создают альтернативу государственному управлению там, где государство ослаблено и действует неэффективно. Тем самым они угрожают государству косвенно, подрывая государственное управление, демократию и правопорядок в таких районах.

Отношения с государством

Многие вооруженные группы могут представлять собой непосредственную угрозу для государства. Это особенно справедливо в тех случаях, когда их цель — свергнуть правительство, отделить от государства какую-то его часть или иным образом изменить структуру государственного управления. К бандам это не относится. Конечно, банды, активно вовлеченные в неформальную, в особенности в незаконную, экономику, стремятся найти друзей в правительственных структурах и в полиции, чтобы обеспечить бесперебойное осуществление операций. Но это совсем не является стремлением захватить власть в стране и самим стать властью. Отношения между бандой и государством — и, что важно, уровень угрозы, которую банда представляет для государства — зависит от четырех факторов: от целей банды, от отношения банды к представителям политической власти и служб безопасности, от желания государства установить свой контроль в неуправляемых районах и от отношений банды с населением территории, на которой она действует.

Цели банд разнообразны и могут быть многочисленными, включая создание братства и семьи, получение экономической выгоды, обеспечение безопасности, а в некоторых случаях — участие в политической жизни. Банды редко стремятся к свержению правительства. Существуют опасения, что банды могут превращаться в повстанческие группы⁷⁶, однако не существует примеров, когда банды организовывались бы и вооружались для свержения постоянного правительства. Банды действительно участвуют

75 E. D. Arias and C. D. Rodrigues, см. выше прим. 23, с. 65—67.

76 M. G. Manwaring (см. выше прим. 59) выдвигает доводы в пользу того, что банды связаны с повстанческими силами.

в стычках с силами правопорядка и в некоторых случаях с военными силами государства. Но эти стычки вызваны усилиями правительства, стремящегося помешать незаконной деятельности банды или пресечь такую деятельность, и чаще происходят по инициативе государства. Банды, по-видимому, избегают вступать в насильственную конфронтацию с государством, чего можно было бы ожидать, если бы они стремились к свержению правительства. Таким образом, непосредственной физической угрозы для государства нет. Однако выживание и достижение экономических целей могут косвенно породить серьезные проблемы для государства. Нередко банда стремится держать под контролем те территории, на которых она действует. Во многих случаях, это городской район, а не какое-то обширное пространство. Банды обычно стараются защищать свою территорию от других банд и могут пытаться контролировать экономическую активность внутри района, однако такие их действия, как правило, не лишают государственных акторов доступа к данной территории.

Второй важный фактор — это отношения банды с правительством или с политическими лидерами. В большинстве случаев такая деятельность имеет ограниченный масштаб. В основной своей массе банды представляют собой группы с рыхлой организацией, и их вовлеченность в преступную деятельность иногда приводит к контактам с правоохранительными органами, но во всем остальном они остаются по большей части вне политики. В некоторых случаях банды устанавливают связи с политиками, есть примеры использования бандформирований в качестве политических инструментов, помогающих политикам победить на выборах, запугать противников и обеспечить реализацию политических мер⁷⁷. В таких ситуациях банда не представляет угрозы для государства, а действует в его интересах или, по меньшей мере, в интересах определенных политических кругов. Банды также могут сотрудничать с политиками или представителями служб безопасности, чтобы обеспечить бесперебойное проведение своих операций, таких как торговля наркотиками. Подобного рода сотрудничество может осуществляться с одними государственными структурами и не осуществляться с другими, что приводит к взаимовыгодным отношениям между сотрудничающими, но в то же время к конфликтным и даже насильственным отношениям с другими государственными структурами. Больше всего опасений в связи с коррупцией и угрозами безопасности возникает именно в связи с ролью институционализированных банд в более общей «инфильтрации» в политическую систему и сектор безопасности.

Третий фактор — это стремление государства контролировать неуправляемые территории, в связи как с внутренним, так и внешним давлением, что часто приводит к принятию мер по обузданию банд. Банды чаще всего существуют и действуют в районах, населенных

77 J. M. Hagedorn, см. выше прим. 49, с. 302—303; J. M. Hazen, см. выше прим. 30, с. 262—267; I. A. Spengel, см. выше прим. 41, с. 240.

людьми, вытесненными на обочину общества. В таких районах присутствие государственных структур обычно ощущается слабо. Можно считать, что такие районы находятся в нижней части шкалы неуправляемых территорий, но в большинстве своем не порождают угроз для государства, и действующие там банды сосредоточивают свое внимание на самих этих районах, а не на правительстве. Правительство обычно не склонно обращать особое внимание на эти районы или на действующие там банды. На что оно с большей вероятностью обратит внимание — так это на территории, где выявленные банды совершают большое количество убийств или же где функционируют институционализированные банды или преступные организации, используя отсутствие или недостаточность государственных структур в своих целях, например для ведения торговли наркотиками, контрабанды или другой широкомасштабной незаконной деятельности. На территориях первого типа правоохранительные органы часто используют в сочетании переговоров и полицейский контроль для снижения уровня насилия⁷⁸, на территориях второго типа они ведут «войну против наркотиков» и «войну против банд».

Четвертый фактор — это характер отношений между бандой и населением той территории, где она действует. Здесь речь идет и о том, что банда дает населению, и о том, в какой степени она пользуется его поддержкой⁷⁹. Положительное восприятие банды и ее отождествление с каким-либо конкретным районом не обязательно означает широкую поддержку населения. Население какой-либо территории может терпимо относиться к бандам или даже оказывать им поддержку в связи с той функцией обеспечения безопасности или экономической функцией, которую те выполняют на данной территории. Однако отношение к бандам иногда представляет собой не столько поддержку, сколько страх, и население может мириться с ними просто потому, что люди не в силах изменить ситуацию и вопреки своему желанию подчиняются их власти. Чем больше пользы приносит присутствие банды, тем с большей вероятностью население будет ее поддерживать, даже если оно не одобряет все виды ее деятельности.

Отношения банды с государством непосредственно обусловлены той угрозой, которую она представляет для государства. В тех случаях, когда банда не представляет или почти не представляет для него угрозы, государство обычно позволяет ей существовать и дальше. В тех случаях, когда деятельность банды нарушает нормальную повседневную жизнь — например, банда совершает большое количество убийств или иных преступлений — государство, как правило, принимает меры, достаточно жесткие, чтобы банда стала вести себя более тихо. В тех случаях, когда банды открыто и активно

78 В США ряд городов использовал в качестве модели операцию «Прекращение огня», впервые осуществленную в Бостоне. См.: National Institute of Justice, *Reducing Gun Violence: The Boston Gun Project's Operation Ceasefire*, US Department of Justice, Washington DC, 2001.

79 J. C. Howell, см. выше прим. 9, с. 5.

пытаются контролировать незаконную коммерческую деятельность (например, наркоторговлю, незаконный оборот тех или иных товаров, отмывание денег), начинают прибегать к чрезвычайно высокому уровню насилия или сотрудничать с политиками и просачиваться в государственные структуры, государство обычно рассматривает такую ситуацию как непосредственную угрозу своему суверенитету и стабильности. Лишь немногие банды представляют собой настолько серьезную угрозу, причем большинство из них — не молодежные банды, а объединения наркоторговцев или организованной преступности.

Роль насилия

Во время войны насилие остается важнейшим средством, с помощью которого вооруженная группа захватывает территорию, защищается от нападений и пытается свергнуть правительство. Насилие также является инструментом запугивания населения. Страх делает людей более покорными и дает вооруженной группе возможности контроля, позволяющие ей получать ресурсы и обеспечивать себе вынужденную поддержку. Вооруженные группы применяют насилие для принудительной вербовки новых членов. Они также удерживают новых членов, заставляя их совершать акты насилия против собственного сообщества, и тем самым лишая их возможности вернуться домой. Часто, когда вооруженная группа не может заплатить своим солдатам, она разрешает им мародерствовать, таким образом, самостоятельно обеспечивая себе материальное довольствие. Во время войны вооруженные группы применяют насилие в самых разных видах и не всегда в интересах населения.

В условиях города банды используют насилие примерно так же, как это делают вооруженные группы во время войны. Банды прибегают к насилию или угрозе насилием, чтобы запугать население и поставить район под свой контроль. Они часто вступают в столкновения для защиты своей территории, такие стычки обычно происходят вдоль границ территорий банд, где встречаются представители двух банд. Банды направляют насилие против других банд, не только защищая территории или обороняясь от физического нападения, но и для защиты чести банды либо из соображений мести. Однако между тем, как применяют насилие банды и как это делают вооруженные группы, существует большая разница.

У многих банд, по всей видимости, существуют правила относительно того, как следует применять насилие и как наказывать за нарушения⁸⁰. Банды не прибегают к насилию для вербовки новых членов, поскольку новые члены приходят в банду добровольно, хотя отсутствие безопасности и давление окружения могут подтолкнуть человека к вступлению в банду. Если при-

80 Dennis Rogers, 'We live in a state of siege': violence, crime, and gangs in post-conflict urban Nicaragua, DESTIN Working Paper Series, No. 02—36, Development Studies Institute, London School of Economics, September 2002, p. 6.

нятие новых членов сопровождается насильственными действиями, их цель состоит не в том, чтобы причинить вред, а чтобы доказать свою храбрость и преданность банде. У некоторых банд есть правила, регулирующие или запрещающие выход членов из банды. Иногда выход из банды имеет такой же насильственный характер, как и вступление в нее, но лишь в очень редких случаях выход из банды карается смертью. В отличие от вооруженных групп насилие не применяется для обеспечения выплаты или вознаграждений членам банды, однако члены банд могут прибегать к насилию для разрешения личных конфликтов или получения экономической выгоды.

Отличается и направленность насилия. Если вооруженные группы могут перемещаться по различным территориям и не привязаны к конкретным городам, банды обычно базируются на определенной территории и защищают свой район и проживающих там людей⁸¹. Они часто применяют насилие для защиты сообщества, в котором живут, от внешних (и внутренних) угроз. Единственное исключение — наркобанды, деятельность которых больше напоминает деятельность взрослых преступных организаций, и которые несут наибольшую ответственность за убийства, совершаемые бандами, и за нарковойны банд⁸². Кроме того, во время гражданских войн вооруженные группы часто специально нападают на гражданских лиц. В банде, напротив, в большинстве случаев насилие применяется в отношении членов других банд. Стычки с государственными силами хотя и имеют место, но не являются неизбежным результатом тех целей, которые ставит перед собой банда: банды не прибегают к насилию как к средству свержения правительства.

Самодостаточная стабильность группы

Понятие самодостаточной стабильности связано с долговечностью группы. Во многих случаях банды существуют всего несколько лет, однако некоторые способны сохраняться на протяжении десятилетий. Вопрос в том, что позволяет отдельным бандам выживать в течение долгого времени. В литературе, посвященной конфликтам, при объяснении самодостаточной стабильности вооруженной группы уделяют основное внимание таким факторам, как отсутствие безопасности, экономические возможности, организация, доступ к ресурсам и неразрешимые противоречия с государством. Представляется, что долговечность банды также зависит от аналогичных факторов. На самодостаточную стабильность влияют, по меньшей мере, четыре фактора: институционализация (которая уже рассматривалась), опасения, связанные с безопасностью, превращение банды в обыденный элемент жизни сообщества и экономические возможности.

81 Там же.

82 James C. Howell, 'Youth gang homicides: a literature review', in *Crime and Delinquency*, Vol. 45, No. 2, April 1999, p. 227.

Угрозы, связанные с безопасностью, способствуют созданию банды и являются одной из обычных причин продолжения ее существования. Банды часто формируются в трудных обстоятельствах и в ответ на угрозу, возникающую для отдельных лиц, которые затем собираются вместе и образуют банды. Таким образом, конфликт служит сплочению: он не только объединяет отдельных лиц общей целью, но и удерживает их вместе, пока сохраняется угроза. Он также создает стимул для вступления в банду новых членов. Банды часто возникают в местностях, для которых характерны высокий уровень бедности, дискриминация и маргинализация. Эти условия усугубляют отсутствие безопасности, а банды предлагают некую форму защиты, представляя собой альтернативную форму общественного института для тех, кто не может рассчитывать на господствующие институты⁸³.

Ф. Трэшер описывал «нормализацию» банды, то есть превращение банды в привычный элемент жизни сообщества, как органический процесс, являющийся результатом, главным образом, коллективного поведения, которое со временем порождает «развитие традиции, нерассуждающей внутренней структуры, корпоративного духа, солидарности, определенной «морали», группового самосознания и привязанности к местной территории»⁸⁴. В этом смысле термин «нормализация» относится к развитию самой банды. Как отмечалось выше, «нормализация» является также частью институционализации и обозначает внешнюю «нормализацию» группы, посредством которой банда становится привычным элементом района, где ее терпят, даже если не любят, и позволяют ей продолжать свою деятельность⁸⁵. В рамках внутренней и внешней «нормализации» развиваются модели и структуры, которые материализуются через повторяющееся поведение, способствуя, таким образом, укреплению и продолжению существования банды.

Самодостаточная стабильность также зависит от способности банды утвердиться в качестве экономического игрока. Многие банды осуществляют деятельность на неформальном рынке. Однако действовать на неформальном рынке и быть организованным преступным предприятием — не одно и то же. Большинство молодежных банд совершают малозначительные преступления: некоторые могут выступать в качестве своего рода работодателей или давать возможность получать доход. Что же касается институционализированных банд, то они «живут и обогащаются за счет подпольной экономики»⁸⁶. Во многих случаях деятельность на неформальном рынке включает в себя торговлю наркотиками⁸⁷; она может включать в себя также проституцию, взимание местного налога с уличных торговцев, получение платы за безопасность или предоставление платных услуг безопасности. Большинство институционализированных банд не являются

83 I. A. Spengel, см. выше прим. 41, p. 171.

84 F. Thrasher, см. выше прим. 35, p. 57.

85 J. M. Hagedorn, см. выше прим. 52, p. 23.

86 J. M. Hagedorn, см. выше прим. 23, p. 19.

87 Steven A. Levitt and Sudhir Alladi Venkatesh, 'An economic analysis of a drug-selling gang's finances', in *Quarterly Journal of Economics*, Vol. 115, No. 3, August 2000, pp. 755—789.

высокоорганизованными преступными синдикатами. Те из них, которые все же достигают такого уровня, это обычно банды, превратившиеся в наркокартели или организованные преступные группы. Подобная эволюция, а также то обстоятельство, что характерные признаки и поведение этих групп иные чем в случае молодежных банд, заставляет задуматься о необходимости пересмотра наших концепций и анализа особых подтипов банд.

Заключение

Трудности, которые возникают при попытке понять такое явление, как банда, отчасти обусловлены той легкостью, с которой всех «злодеев» помещают в одну категорию. Банды похожи на другие вооруженные группы. Они занимаются преступной деятельностью и применяют насилие, так же как и другие вооруженные группы, хотя, как правило, в значительно меньших масштабах. Таким образом, они действуют вне закона. Кроме того, они действуют в городах, где чрезвычайно высокий уровень насилия (хотя оно и не во всех случаях имеет отношение к бандам) вызывает обеспокоенность в связи с присутствием банд. В результате возникает соблазн использовать одни и те же аналитические схемы. Однако вместо этого следует проводить различие между вооруженными группами, включая банды.

Вооруженные группы весьма разнообразны, как, впрочем, и банды. Вызов заключается в том, чтобы выработать более совершенную концепцию понимания различий между ними, наряду с их общими чертами, для того, чтобы начать классифицировать эти группы, разделяя их на более четкие явления. Некоторые банды — институционализированные и очень склонные к насилию — могут, действительно, иметь сходные характеристики с повстанческими движениями, а следовательно, их можно рассматривать через призму конфликта и исходя из концепции вооруженной группы. Но лишь очень немногие банды достигают этого уровня, поэтому такой подход не представляется уместным либо полезным для понимания тысяч банд, которые существуют сегодня в различных сообществах по всему земному шару.

